

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

КАК КВАНТОВАЯ МЕХАНИКА «ОБЪЯСНЯЕТ» СОЗНАНИЕ (КРИТИКА МНОГОМИРОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ЕЕ «РАСШИРЕННОГО» ВАРИАНТА)

В.Д. Захаров

Всероссийский институт научной и технической информации (ВИНИТИ)

Многомировая интерпретация квантовой механики Эверетта в ее модифицированном варианте, предложенном М. Менским, претендует на объяснение природы человеческого сознания. В данной статье показывается неосновательность и противоречивость этого объяснения.

Ключевые слова: квантовая концепция сознания; дихотомия сознания; бытие; субъект; мышление; человек; предметное знание; каузальность; квантовая реальность; фальсифицируемость.

Сознание человека не может быть объяснено ни как личное эмпирическое проявление, ни как продукт универсального родового бессознательного начала.

Вл. Соловьев

Человек и сознание. В чем трудность определения сознания? По-видимому, она заключена в сложности определения того, что такое есть человек. Мы выделяем человека из всей живой природы, приписывая ему сознание. Сознание – это характеристика нас как вида, обозначаемого *homo sapiens*.

Наше воображение способно представить и другие формы проявления сознания, не связанные с человеком, но имеющие иную, не антропоморфную природу. Вспомним, например, «океан разума» в романе С. Лема «Солярис». «Океан» не антропоморфен, но, по-видимому, обладает сознанием нашего, человеческого типа, поскольку оказался способным понять *homo sapiens* и вступить с ним в своеобразный контакт. Это лишь обостряет вопрос: что же такое есть наше, человеческое сознание? Может быть, мы поймем Солярис, если лучше поймем самих себя?

Что же мы наиболее склонны подразумевать под нашим собственным сознанием? Во-первых, мы подразумеваем под ним осознание человеком самого себя (как *субъекта сознания*), и, во-вторых, познание мира внешнего («объективного»), где человек выступает как *субъект познания*. И то и другое, если разобраться, до сих пор остаётся неразрешённым.

Мы настолько свыклись с этими обыкновенными для нас понятиями: Я – и не-Я, внутренний мир – и внешний, субъект – и объект, что не видим в их понимании никакой проблемы; не желаем подходить к ним критически, хотя можно назвать мыслителей, подавших примеры такого критического подхода. Более двухсот лет назад Иммануил Кант высказал мысль о том, что никакого «внешнего мира» (вещей «самих по себе») мы не знаем и никогда не сможем узнать, что это такое. Все, что мы «познаем» как мир внешний, – это лишь порождение субъективных свойств нашего мышления, то есть мира внутреннего.

Познание как проблема. А что мы, собственно, знаем о своем Я? Наши ощущения, представления и даже мысли нам достоверно известны лишь как наши психические состояния – и не более. Только про них мы *непосредственно* знаем, что они подлинно существуют, и это непосредственное знание голого факта наших мыслей и представлений мы по привычке называем своим *сознанием*, не отдавая себе отчета, откуда оно происходит. Оно нам дано как факт, это не значит – познано как объект. Этот безусловный наличный факт, данный нам непосредственно, *до и вне всякого познания*, есть единственное несомненное «бытие», которое М. Хайдеггер назовет потом гегелевским термином Dasein, «вот-бытие».

Понятие «объект», а с ним и «познание» появляются, когда мы не удовлетворяемся данным нам знанием бытия наших представлений (Dasein) и хотим идти дальше – узнать, существует ли бытие *внешних* предметов, не зависящее от наших представлений и вообще от нашего Dasein. Вл. Соловьев [1] подмечает, что никаких философских оснований для утверждения такого бытия внешнего мира у нас нет, потому что «в чистом сознании нет никакого различия между кажущимся и реальным». И Декарт был прав, положив сомнение в реальном бытии внешнего мира необходимой предпосылкой философского исследования истины. Но оставался еще вопрос: действительно ли «вот-бытие» (Dasein) есть подлинное *бытие* нашего Я? Можно ли из непосредственной реальности Dasein прямо заключить о реальности нашего Я как сознающего *субъекта*? Декарт считал это возможным: само сомнение в собственном бытии есть уже факт нашего Dasein, так что бытие сомнения обуславливает бытие сомневающегося: *Dubito ergo sum*, а отсюда и *Cogito ergo sum* («Сознаю – значит существую»).

Вл. Соловьев замечает, что из трех терминов: «сознание» (*cogito, je pense*), «бытие» (*sum, je suis*) и «субъект» (*je suis*) несомненным является только один – «сознание» (*мысль*). Мышление, как факт нашего Dasein, не может вызывать сомнения; нельзя сказать того же о *мыслящем*, то есть субъекте. Что же такое есть подлинное бытие нашего Я? Если мы вместе с

Декартом стоим на почве сомнения, то должны усомниться в бытии того Я, о котором мы ничего не знаем, кроме своих изменчивых представлений.

Оставаясь до конца на почве философского сомнения, мы не можем решить вопрос ни о бытии нашего Я, ни о бытии «внешнего мира». Мы *верим* в существование мира, но не можем разумно обосновать эту веру. С этого вопроса, говорит Соловьёв, *должна только начинаться* теоретическая философия, первая задача которой – определить, что такое есть не-Я как *реальность*. Не умея отличить Я от не-Я, мы не умеем обосновать собственное теоретическое познание, то есть не умеем определить, действительно ли наша наука познает «объективный» (как принять говорить), вне нас лежащий мир. Это не могло укрыться от некоторых проницательных философов, и уже сразу вслед за Соловьёвым (в 1901 г.) Г. Гефдинг назвал «мир», определяемый как совокупность всего возможного внешнего опыта, *ложным понятием*, поскольку эта совокупность никогда не может быть целостно завершена [2]. О том, насколько трудна задача, сказал еще Б. Паскаль [26]: «Я не знаю, откуда я пришел в этот мир (*qui m'a mis au monde*), *не знаю, что такое этот мир и что такое есть я сам и та часть меня, которая мыслит то, что я говорю... и сознаёт себя не более, чем все остальное*» (курсив наш. – В.З.). То есть, если верить Паскалю, в таком явлении, как познание, ничего не ясно: ни что такое есть познаваемый мир, ни тот, кто мыслит об этом мире.

И не случайно сам вопрос – что такое мышление? – мы вновь встречаем у Мартина Хайдеггера. Его сочинение 1952 г. [27] так и называется: «Что значит мыслить?» (*Was heißt Denken?*). Автор констатирует, что про это можно лишь спрашивать, но ответ дать нельзя. Мы еще *не мыслим*, говорит Хайдеггер, *не умеем мыслить*, и он указывает причину этого: *то, что требует наибольшего осмысления, само отвернулось от нашего познающего разума*.

По словам Плотина, в философии более всего требует осмысления то, что составляет *самое важное*, самое значительное *для человека*, и цель философствования – найти и определить это самое значительное. Очевидно, Плотин вспомнил некое более древнее предание: Хилон, один из «семи мудрецов», обратился к Дельфийскому оракулу с вопросом: «Что самое лучшее для людей?» Ответ, изречённый пифией, гласил: *γνώθι σαυτόν*, то есть «знать себя».

Знать себя? Но мы не понимаем, что это означает – познавать себя. Слово «познать» мы относим лишь к тому, что не есть наше Я. (Да и о нем, как говорит Паскаль, мы знаем не более, чем о своем Я). И оттого-то мы, так называемые «сознающие существа», не можем истолковать ни самое важное для себя, ни самих себя.

Синдром рационализма. Рационалисты XVII в. исходили из убеждения, что человеческий разум *мыслит бытие*, или, выражаясь словами Спинозы, *порядок идей тождественен порядку вещей*. Это было проявлением классической путаницы разума между Я и не-Я. Этот рационалистический

реализм был подвергнут критике И. Кантом, назвавшим его «трансцендентальной иллюзией» самого разума. Мысль о предмете не является предикатом существования предмета, так что, например, из декартова *cogito* (мыслью) вовсе еще не следует *sum* (существование). Напротив, мышление может иллюзорно принимать собственный продукт за объективное бытие. Такое наивно-реалистическое представление создает «синдром» познания: наш разум, пытаясь осмыслить бытие, впадает в морок неразрешимых антиномий – он не умеет отличить бытие от небытия.

Что же такое наш разум? Мы знаем, чего он не умеет, а где его положительное определение – что он умеет? Не случайно в своих Критиках разума (во всех трех!) Кант так и не дает явного определения, что же такое есть собственно разум. Хайдеггер и тут неумолимо требует ответа: что такое есть разум? Он пишет (1956 г., [28, с. 114]): «Где и кем было решено, что такое разум?.. Сам ли разум делает себя господином философии? Если да, то по какому праву? Если нет, то откуда он получил своё назначение и свою роль?». То есть Хайдеггер ставит вопрос: не самозванно ли наш разум присвоил себе это назначение, раз он даже не умеет доказать существование внешнего мира – отличить Я от не-Я?

Постигнув синдром разума, Кант более не доверился одному только разумному познанию. Условием познания он поставил *чувственную интуицию* (*Anschauung*) в ее синтезе с *рассудочной* сферой нашего сознания – той, которая конструирует лишь феномены, образы чувственного созерцания. Так впервые была сформулирована научная методология *предметного знания*.

Познать нечто в понятии – значит уловить в новом для нас общее с тем, что уже нам знакомо и подведено под известное уже нам понятие («понятие» – оно и означает «общее»). Это и называется *причинностью* – объяснение нового через уже известное. Отвлеченное познание, опирающееся на причинность (*каузальность*), всегда основано на предшествующем ему знании внешнего мира. С. Франк [29] назвал это знание *предметным*, допуская тем самым возможность иного знания – знания некоей реальности, лежащей в совсем ином измерении, нежели предметный, каузально постижимый, «знакомый» мир.

В этом ином измерении лежит наше человеческое Я – то, что, по словам Хайдеггера, *само отвернулось от испытующего разума*, оставив по себе лишь знак, символ – без истолкования. Символ – еще не реальность, а *указание* на реальность, связующее звено между *Dasein* и бытием. Это связующее звено нельзя вывести из познания природного мира. Человеческое глубинное (бытийное) Я недоступно не только отвлеченному, но и эмпирическому познанию. Все методы интроспективной психологии (начиная с Вундта) исследуют лишь *проявления* нашего *Dasein* в сфере внешнего опыта, не затрагивая нашего бытийного Я. «Проблема человека совершенно неразрешима, если его рассматривать из природы и лишь в соотношении с природой», – пишет Н. Бердяев [3, с. 61]. Самый факт существования человека есть разрыв в природном мире и свидетельствует о том, что человеческое существо

покоится на ином, сверхприродном бытии. Если то, что более всего требует философского осмысления, – это наиболее жизненно важное для человека, то *это наиболее важное есть его целостное, бытийное Я*. Философия не умеет мыслить, пока она не разрешила вопроса об этом бытийном человеческом Я.

Это наше бытийное Я всегда ускользает от нашего познания, не может стать предметом познания. Недаром Вл. Соловьев, подвергнув критическому анализу само наше мыслящее сознание, назвал его непонятным термином *«становящаяся разумность»*. «Становящаяся» – значит никогда не завершаемая, не сущая в завершённой предметной форме. *Становящаяся* наша разумность означает также, что само наше Я никогда не может быть чем-то завершённым сущим. *Fiо, ergо non sum* – «Я становлюсь, следовательно, я еще не существую».

Сделаем предварительные выводы. И «мир», и человеческое Я – незавершённые, неопределённые субстанции. Поэтому не определено и наше сознание – ни как осознание внутреннего Я, ни как субъект познания. Сознание нельзя определить разумом, потому что разум сам по себе есть некий незавершённый атрибут нашего сознания.

Настоящая работа является ответом на статью М. Менского «Феномен сознания с точки зрения квантовой механики» [4], а также на его книгу «Сознание и квантовая механика» [5], являющуюся расширенным переизданием ранее вышедшей книги «Человек и квантовый мир» [6]. О каком «сознании» говорится в этих работах? Действительно ли это есть *человеческое* сознание – то, о незавершённости и непостижимости которого писали Б. Паскаль и Вл. Соловьёв? Впрочем, ведь эти мыслители не знали квантовой механики, а тут предпринята попытка объяснить сознание на основе современной физики. Любопытно разобраться.

Рабское сознание и свободное сознание. Классическая физика приучила нас к мысли: раз всё подчиняется законам природы, то и человеческое сознание, конечно, не может быть свободно от них. А. Эйнштейн, например, свято веровал в это. Он считал несовместимым с научным пониманием не только представление о свободе в неживой природе, но даже и представление о свободной воле человека, о чем он высказался в письме к Р. Тагору: «...Должна ли закономерность происходящих событий, все более отчетливо проявляющаяся в неживой природе, прекращать функционировать в деятельности нашего головного мозга?». В этом же письме Эйнштейн однозначно отвечает – нет. «Высшее Существо... – пишет он, – которое наблюдало бы за человеком и его деяниями, потешалось бы над иллюзией, будто человек действует, повинувшись своей собственной свободной воле. Таково мое убеждение, хотя я вполне сознаю, что оно не вполне доказуемо» (цит. по: [7, с. 18]).

При жизни Эйнштейна еще не возникли представления о сингулярностях, о черных дырах, не возникла и «стандартная модель» Большого Взрыва, иначе он сам, на основе своей же теории гравитации, мог бы открыть

свободу, то есть акаузальность в природе, и понять, что его «убеждение» не только «не вполне доказуемо», но и неверно. Это уже прозревали некоторые мыслители задолго до Эйнштейна.

Уже в философии Древней Греции мы видим противостояние идей Платона и Аристотеля по вопросу о необходимости и свободе. Аристотель провозгласил Ананке (Необходимость, Рок) как вечный и абсолютный закон, которому подчиняется все в мире, даже сами боги. Задачу философии Аристотель видел в том, чтобы приучить людей верить в Ананке и покоряться ей. Иначе, как он считал, мир, лишенный вечных причинных связей, превратился бы для нас в хаос, стал бы для нас непознаваемым. Платон же имел «бесстыдство» (это – оценка Аристотеля) прогнать страх перед неизвестностью и хаосом, восстать против абсолютных прав Ананке. Он сказал, что, веря своим глазам и полагаясь на причинный способ познания, мы «лишь грезим о сущем, наяву же его видеть не можем» [8, с. 345].

Пройдет всего лишь столетие, и Эпикур, ученик Демокрита, провозгласит «клинамен» – свободу «в природе вещей» как источник вечно рождаемых миров. (Физика XX в. утвердит эту свободу, связав ее с именем Эпикура: «Тропа Эпикура» [7]).

В Новое время И. Кант (своей Четвертой антиномией трансцендентальных идей) поставил вопрос: все ли подчиняется законам природы? Является ли причинность по законам природы единственной причинностью, из которой можно вывести все явления в мире? Кант продемонстрировал, что этот вопрос – неразрешимая для нашего разума антиномия [9, с. 418–419]. Эта антиномия станет философским выражением «дилеммы Эпикура» (дилеммы свобода – необходимость, см. [13, с. 182]).

Далее эту же мысль мы встречаем в «Записках из Подполья» Ф.М. Достоевского. Его герой не желает подчиняться рабству перед внешним миром и его законами. Его, как мы помним, «обижали» законы природы с их тотальной необходимостью, уничтожающей личную человеческую свободу.

Н. Бердяев [10] говорит о многих формах человеческого рабства, в том числе и о *рабстве человека перед миром*. Как возникает это рабство? «Личность из глубины созидает своё сознание» [10]. Личность, как глубинное наше Я, не исчерпывается одной лишь нашей познавательной способностью. Как личность Я есть нечто большее, чем Я как субъект познания. Личность выше всяких форм познания и потому ни из чего не выводима. Я как субъект познания есть некое частичное, рационализированное Я, способное создавать понятия. Сознание этого рационализированного субъекта легко подвержено рабству. Наше сознание обнаруживает дихотомию: оно может быть свободным, но может быть и рабским. Так, сознание Аристотеля следует называть рабским, сознание Платона – свободным.

Итак, возникает *дихотомия сознания*: с одной стороны, рабство человека перед законами природы; с другой – борьба против тирании этих законов. Рабское сознание принимает тиранию причинно-следственных связей, которые делают мир замкнутым в себе, исключают в нем какие-либо «окна» в

мир свободы. (Рабское сознание – это то сознание «всемства», которое так возмущало героя Достоевского). Свободное сознание осознает это рабство и видит его исток. Оно видит, что сами навязываемые ему представления о причинности уже постулируют предположения о свойствах самого сознания – предписывают ему принудительные (рабские) формы и структуры.

Вынуждаемая таким образом ориентация сознания основана на приспособлении к чуждому внешнему миру, в который оно выброшено. Эта его функция рождает «правила опыта», необходимые, чтобы в этом мире ориентироваться и *выжить* в нем. Появляется соответствующая концепция жизни: познание обусловлено жизнью, которая, согласно предметному знанию, сама произошла как результат причинной эволюции форм природного мира.

Из этой концепции выросла идея об *активном сознании* (М. Менский [4; 5]), которая и станет предметом нашего анализа. Но уже сейчас можно отметить, что указанная «активность» – это свойство рабской формы сознания, подчиняющегося условиям приспособления к внешнему миру. Истинное же сознание – свободное. Оно и есть сознание глубинного человеческого Я.

Квантовая реальность. Интерпретация Эверетта. Идея об активном сознании возникла в связи с трудностями интерпретации процесса измерения в квантовой механике. Их не удавалось преодолеть без введения человеческого фактора, или роли наблюдателя. Основная концептуальная трудность возникает в теории измерения квантовых систем. Она связана с противоречием между линейностью основного уравнения квантовой механики и картиной редукции состояния квантовой системы при ее измерении. Редукция, как разрыв волновой функции, противоречит линейности и для квантовой механики является, в сущности, чужеродным понятием (это хорошо разъяснено М. Менским в работах [4], [11]).

Противоречие снимается в «многомировой интерпретации» Эверетта – Уилера [4; 5]. В ней можно обойтись без редукции, если отнести результат наблюдения не к самой системе, а к иному, тоже чужеродному, выходящему за пределы физики понятию – *сознанию наблюдателя*. Редукция, таким образом, выносится за скобки физики, открывая, казалось бы, путь к проникновению в суть человеческого сознания. Действительно, сознание выступает здесь как нечто, обладающее свойством выбирать альтернативы в возможных результатах измерения. По мысли М. Менского, это должно пролить свет на описываемую квантовой механикой *реальность*.

Вопрос о физической реальности – это вопрос метафизики. Эйнштейн (как *реалист* в средневековом смысле) стремился дать строгое метафизическое определение физической реальности. Под «реальным состоянием» физической системы он подразумевал состояние, «существующее объективно, независимо от какого бы то ни было наблюдения и измерения, которое в принципе можно описать с помощью имеющихся в физике средств» [14, с. 624]. Главное из этих средств – это детерминистский характер классической физики, на основе которого выросло *предметное познание*, ставившее

во главу угла «сплошную связь явлений природы» в форме естественной причинности. Классическое понимание причинности уже формирует ориентацию нашего сознания, раз и навсегда определённую, в котором оно воспринимает мир как ему свойственную «классическую реальность».

Тут Эйнштейн пришел к главному своему концептуальному противоречию. Он видел, что предметное познание – это лишь познание кантовского трансцендентального мира, и стремился вырваться от него к подлинной реальности, однако на этом пути он пришел лишь к реальности Спинозы – к «Богу Спинозы». Сбросив цепи одной тотальной причинности, он вынужден был подчиниться другой. Он не допускал реальности, которая описывалась бы иным, беспричинным образом. Я могу предложить свое объяснение этому. Я думаю, он потому и принял философию Спинозы, игнорировавшую человека, что сам страшился вопроса: а что такое человек и его сознание?

Эйнштейн сознательно искал реальность вне человека – как «научную истину, справедливую независимо от человечества». Р. Тагор возражал ему: «Этот мир – мир человека... Поэтому мир отдельно от нас не существует», на что Эйнштейну пришлось приводить уже явно не научный довод: «Я не могу доказать правильность моей концепции, но это – моя религия» (из беседы с Р. Тагором [15, с. 130–131]). Он забыл только уточнить, что в действительности это есть религия Спинозы.

Однако Эйнштейн проницательным оком увидел, что отстаиваемое им описание «реального состояния» оказалось невозможно для микромира. В этом его убедил ЭПР-парадокс [12]. Для запутанных систем (ЭПР-пар) классическое понятие причинности исчезает: его место замещает квантовая корреляция, и здесь подтвердилось предвидение Г. Гефдинга: *не все отношения между действительными событиями суть отношения причинности.*

На основе ЭПР-парадокса Эйнштейн сделал вывод о неполноте квантовой механики в описании реальности. Он был прав: либо квантовая механика – либо сплошная естественная причинность. Но можно было сделать и иной вывод: признать иную форму реальности – квантовую. В ней неполнота теории должна быть устранена введением сознания в саму теорию. В эвереттовской интерпретации это делается так: принимается, что состояние нашего мира, являющегося по природе *квантовым*, адекватно описывается лишь как *семейство классических состояний*, которые все равноправны (одинаково «реальны»), несмотря на то, что они *альтернативны*, то есть исключают друг друга. Понять это можно лишь как *свойство сознания*, а не как свойство физической системы. Поэтому говорят, что существуют различные классические миры (эвереттовские *параллельные миры*), из которых сознание индивидуального наблюдателя воспринимает лишь один.

М. Менский [6] уточняет, в каком смысле *существуют* различные классические миры. Нет «многих классических миров», есть различные компоненты суперпозиции. «Есть только один мир, этот мир квантовый, и он находится в состоянии суперпозиции», и лишь наше сознание воспринимает каждую из компонент суперпозиции как некую картину классического мира.

Каждый такой классический мир представляет собой лишь *проекцию* реального квантового мира на наше сознание.

«Сам квантовый мир существует как единое целое независимо от какого бы то ни было наблюдателя» [6, с. 163]. Функция сознания состоит в разделении альтернатив результатов измерения. Селекция, производимая сознанием наблюдателя, состоит не в отбрасывании возможных классических картин, а в их разделении, в изоляции друг от друга. М. Менский так комментирует это: «Возникает “*квантовое расщепление*” наблюдателя. Его мозг находится в состоянии суперпозиции, и лишь одна (любая) компонента этой суперпозиции описывает такое состояние мозга, в котором он видит определенную классическую картину, соответствующую определенному результату измерения» [11, с. 68].

Критика эвереттовской интерпретации. Такая интерпретация содержит два уязвимых места. Первое – это утверждение, что «квантовый мир существует независимо от какого бы то ни было наблюдателя». Откуда мы можем это знать, если вся информация об этом «квантовом мире» поступает только через наблюдателя, сознание которого и определяет результат наблюдения? И что означает – «существует»? В каком смысле? Ясно, что слово «существует» нельзя здесь употреблять в классическом (эйнштейновском) понимании, а в новом, «квантовом» смысле оно не объяснено и никак не определено. Здесь, в сущности, на новом, квантовом уровне возрождается старое эйнштейновское представление о реальности – как некое «объективное бытие», существующее вне и «независимо от человечества». Обоснований же этому никаких не приводится, да их и невозможно привести. Существует ли сама ψ -функция «независимо от человечества»? Никто не знает: можно утверждать, что она принадлежит объективному, «вне человечества» существующему миру платоновских эйдосов, но никто не может опровергнуть и того тезиса, что она есть продукт нашего сознания.

Наш мозг, говорят, состоит из атомов, а атом (это мы знаем) – квантовая система. Предполагая, что сознательная функция наблюдателя осуществляется через его мозг, можно не удивляться, что «его мозг находится в состоянии суперпозиции», и это именуется «квантовым расщеплением наблюдателя». Но тогда, очевидно, придется говорить и о «квантовом расщеплении сознания», никуда не денешься: ведь именно сознание ответственно за выбор альтернативы результатов измерения. Тут мы сталкиваемся со вторым уязвимым местом эвереттовской интерпретации. Параллельные миры интерпретируются как свойство сознания, но в то же время сами интерпретаторы признают: сознание – понятие нефизическое. Оно не есть физический объект. Между тем сознанию приписывается физическое свойство, которым может обладать только квантовая система. Если сознание не есть объект – что же тогда «расщепляется»?

«Квантовое расщепление наблюдателя» понять можно, если рассматривать сознание наблюдателя как продукт его мозга, а мозг – как квантовую систему. Однако сразу возникает вопрос: а можно ли рассматривать созна-

ние как продукт некоей квантовой системы – нашего мозга? Если принять это, тогда, действительно, можно надеяться получить физическое объяснение сознания. К этому вопросу мы сейчас и перейдем.

Сначала заметим, что «квантовая теория сознания» дает однозначно утвердительный ответ на поставленный вопрос. Стоя на позициях этой концепции, можно утверждать: поскольку единственный реальный мир – это мир квантовый, то, следовательно, сознание вторично, а это значит, что оно может и должно быть выведено из квантового мира. Тем самым наш классический мир становится не чем иным, как иллюзией нашего сознания: ведь все остальные «параллельные миры» ничуть не менее реальны. Это и утверждает М. Менский: раз сознание выбрало лишь один из одинаково реальных классических миров, то сам этот выбор – «это лишь иллюзия, возникающая в сознании наблюдателя» [19, с. 646].

Возможно ли каузальное объяснение сознания? Поскольку сознание объявлено вторичным, для него должно быть найдено объяснение. Под «объяснением» традиционно понимается отыскание причин. Таким образом, нас приводят к мысли, что сознание может быть описано чисто физикалистски – на основе естественной причинности. Отсюда возникла задача: физикалистским путем объяснить сознание и описать его свойства. Этой задачей еще ранее занялся Р. Пенроуз [16, 17]. Результат оказался разочаровывающим.

Физикалистский поиск истоков сознания неизбежно приводит к вопросу: где обитает сознание? (Это – вариант пресловутой задачи поиска души в физическом теле). Пенроуз тщательно обследует все микроканалы нейронов мозга, которые могли бы быть ответственны за проявления сознания: гиппокамп, эпителиамус, область ретикулярной формации, наконец, саму кору головного мозга. Проявления же сознания понимаются квантовомеханически – как *крупномасштабная квантовая когерентность*, состоящая в усилении микромасштабных квантовых эффектов до классического уровня, на котором наше сознание действительно воспринимает внешний мир. Пенроуз, как физикалист, ищет участки мозга, производящие такие проявления сознания, и не находит их. Оказалось, что «нет таких ключевых процессов в мозге, которые бы непосредственно определялись квантовомеханическими эффектами» [16, с. 322]. Так, R-процедура (редукция вектора состояния) может выполняться задолго до того, как наблюдатель зарегистрирует факт измерения. «Для редукции вектора состояния наше сознание не требуется!» [16, с. 323]. «Приходится констатировать, – заключает Пенроуз, – что на сегодняшний день общепринятый критерий проявления сознания отсутствует».

Тогда сами зададимся вопросом: каков же критерий проявления сознания? Если наблюдательные проявления сознания во внешнем мире (даже в самом мозге) не обнаруживаются, то попробуем искать критерии проявления сознания в нашей познавательной способности.

Познающая мысль оперирует логическим отношением – выводом из основания, а не каузальным суждением типа причина – следствие. *Причина не*

есть доказательство, хотя её очень часто выдают за основание логического вывода. Это особенно отчётливо видно из того, что наше мнение часто может быть обусловлено чисто психологическими – *внеразумными* причинами. Мышление, как психический факт нашего Dasein, просто дано нам, оно не может быть само по себе истинным или ложным. Подлинный мыслительный акт, претендующий на познание реальности, тоже есть событие Dasein, но особое: он всегда *о чем-то*, поэтому он фальсифицируем – к нему применимо понятие истинного или ложного.

Каким образом мог вообще возникнуть познающий разум? Для предметного (каузального) познания такого вопроса по сути не существует. Для него наши познавательные акты, как и все на свете, полностью обусловлены естественными причинами, а это означает, что сознание возникло (во времени и пространстве) из этих причин как часть самой природы, вследствие какого-либо особого, но определенного соотношения атомов или субатомной структуры вещества. Подобное *редукционистское* объяснение природы сознания исповедуют многие выдающиеся учёные, как биологи (К. Саган, Фр. Крик), так и физики (Э. Шредингер и поначалу Р. Пенроуз). Редукционистская схема объяснения сознания проста. Считается, что деятельность разума, как функции мозга, сводится к анатомии и физиологии, которые, в свою очередь, ищут своё естественнонаучное обоснование в молекулярной биологии, а последняя – в атомной физике, наиболее полно понимаемой в терминах квантовой механики.

Правомерен вопрос: как оценил бы эту редукционистскую лестницу познания сам наш познающий разум? Поскольку он именно *познающий* разум, последовала бы следующая оценка: в этом случае наше мышление, как проявление некоего материального состава нашего мозга, явилось бы результатом внешних *неразумных* причин, и тем самым наши суждения не заслуживали бы доверия самого нашего разума. Будь наш мыслительный акт полностью объясним из внешних условий, он не заслуживал бы названия познания. По этому поводу известный философ и писатель Кл. Льюис выразился весьма остроумно: «Если мои мыслительные процессы полностью обусловлены поведением атомов моего мозга, у меня нет оснований доверять своим мнениям» [18]. (К этому можно добавить, что в таком случае нет оснований и для мнения, что мозг состоит из атомов). В самом деле, «перепрыгнув» в редукционистской лестнице от разума к физике микромира, сами учёные не заметили, что совершили эпистемологический круг – от разума назад к разуму, ибо, как полагает Дж. Уилер, для понимания квантовой механики требуется включить само наше сознание (разум) в теорию в качестве необходимого компонента её интерпретации. Вот он, порочный редукционистский круг познания: разум → мозг → анатомия и физиология → молекулярная биология → атомная физика → квантовая механика → разум.

Вспомним М. Хайдеггера: мы сами не понимаем, что такое есть разум, к которому мы могли бы испытывать доверие. Ответ на вопрос о таком разуме дал Пенроуз, когда под давлением фактов отказался от физикалистской мо-

дели происхождения разума. Физикализм основан на естественной, то есть *алгоритмизируемой* каузальности, тогда как «в процессе (сознательного) мышления участвует существенная неалгоритмическая составляющая» [16, с. 325]. Более того, на основе опыта собственного математического мышления Пенроуз считает само неалгоритмическое построение суждений не чем иным, как «критерием наличия сознания». «Мы должны *видеть* истинность математических суждений, чтобы убедиться в их обоснованности. *Это видение – самая суть сознания*» [16, с. 338, курсив наш. – В.З.]. Здесь Пенроуз – уже не физикалист, а метафизик, и он определяет сознание метафизически – как «способность непосредственно воспринимать истины и тем самым осуществлять прямой контакт с миром математических идей Платона» [16, с. 347].

Если способность непосредственного восприятия истины есть основное характеристическое свойство человеческого сознания (называемое интеллектуальной интуицией), то это означает, что познавательная функция сознания – внекаузальна. *Непосредственное* восприятие означает восприятие вне логики и причинных связей. Это одновременно означает, что *наше сознание не может быть описано причинным образом* – не может быть познано предметным познанием. Мы еще раз убеждаемся в том, что истинный акт познания не может быть обусловлен внешними природными причинами; *разум дан нам раньше природы и не выводим из нее*.

Возможна ли феноменология сознания? Если по Эверетту (Уилеру) функция сознания состоит в разделении альтернатив результатов измерения, то М. Менский предложил «расширенную концепцию Эверетта» (РКЭ, [4; 5], которая по-другому называется *Квантовой концепцией сознания* [5]). В ней выбор альтернативы *отождествляется с самим актом осознания*: сознание *есть* разделение альтернатив результатов квантового измерения. Тогда *активность* сознания, очевидно, означает возможность влиять на саму вероятность альтернатив. Это можно рассматривать как проявление свободы воли наблюдателя.

Здесь справедливо признается: сознание внефизично, и мы можем исследовать лишь некие физические *проявления* того, что мы все-таки называем сознанием. Вот Пенроуз не обнаружил в нашем мозгу даже таких физических проявлений. Поэтому М. Менский (на мой взгляд, справедливо) признает бесплодность «попыток описать свойства той материальной субстанции, которая порождает сознание». Он склонен «понимать сознание как явление, которое можно описать феноменологически, но нельзя вывести из известных свойств материи» [6, с. 242]. Отсюда понятно и другое его заключение: сами эти попытки феноменологического описания сознания выводят нас за рамки существующей физики и даже вообще естественных наук (с чем согласен и Пенроуз).

За пределами естественных наук мы имеем, по-видимому, только одну науку (если, правда, ее можно назвать «наукой»), имеющую непосредственное отношение к тому, что принято называть «сознанием». Это психология.

Этимологически название этой «науки» происходит от весьма неопределенного (не вполне «научного») понятия *psyche* (душа). И, однако же, на протяжении веков философов интересовал вопрос о природе души и ее связи с телом (знаменитая «психофизическая проблема»). Проблема так и не получила разрешения из-за неопределенности самого понятия души. «В обычном словоупотреблении» (как говорится, например, в философском словаре Шмидта) под душой понимается «совокупность побуждений сознания (и вместе с тем их основа) живого существа». Поэтому неудивительно, что «сознание» считается предметом психологии, хотя ни один психолог (так же как ни один физик) не даст вам определения, что же такое есть «сознание живого существа». Раз сознание одинаково неопределимо ни в физике, ни в психологии, М. Менский делает попытку отождествить эти две неизвестные величины: *x* (сознание в физике) и *y* (сознание в психологии). Логика такова: если в каждой из двух наук два явления (селекция альтернатив в физике и акт осознания в психологии) недоступны пониманию, то, «отождествив их друг с другом, мы этим самым объясним данное явление... Сознание оказывается границей между физикой и психологией, имеющей прямое отношение к обеим этим сферам. Описание сознания лишь в рамках одной из этих сфер является неполным. Лишь изучая роль сознания в обеих этих сферах, можно построить полную теорию сознания, включающую его самые глубокие (примитивные) слои» [11, с. 70].

Между тем самый глубинный (и потому самый таинственный) слой сознания есть то, что Вл. Соловьев назвал сердцевиной нашего Я, то есть субъекта этого сознания. Это – то, что до сих пор не смогла определить ни философия и ни одна из «положительных» наук. И физика, и психология исследуют лишь свойства нашего *Dasein*, то есть лишь *артефакты нашего Я*. Само же человеческое Я, как «разрыв в природном мире», недоступно ни отвлеченному, ни эмпирическому познанию.

Мы с самого начала приняли тезис, что сознание не есть объект физики. А можно ли «сознание» считать предметом психологии? Многое заставляет думать, что сознание и «душа» (психика) – весьма разнородные понятия, и нет оснований сводить наш внутренний опыт (опыт сознания) к психике. Развитие интроспективной психологии с XIX в., а также нейропсихологии и «когнитивной психологии» в XX в. показали, что наличие сознательного опыта (например, в случае с детьми) еще не предполагает какой-либо сложной психической жизни, фиксируемой понятиями «субъективность» или «самосознание» (см., например, [20]). Так что «вопрос о сознании, сознательном опыте не связан с необходимостью с исследованием именно человеческой психики... Феномен сознательного опыта выпадает из ряда психических феноменов» [20, с. 90].

Следует признать, что «сознание» – такое же пограничное («маргинальное») понятие для психологии, как и для физики. Ни психология, ни физика не могут претендовать на объяснение природы сознания, так как сознание не является непосредственным предметом ни той, ни другой науки. Правда, мы

скромно согласились с одним лишь феноменологическим описанием сознания, не пытаясь проникнуть в его природу. Но можно ли построить «полную теорию сознания» (разумеется, феноменологическую), если мы отождествим две неизвестные величины x (сознание с точки зрения физики) и y (сознание с точки зрения психологии)? Пытаясь одну неизвестную объяснить через другую, мы не получаем никакого объяснения ни той, ни другой.

Что такое «квантовое сознание»? Если реальный квантовый мир «не зависит от сознания», то в этом высказывании уже должно подразумеваться некоторое представление о сознании. В «расширенной многомировой концепции» Менского под сознанием понимается разделение альтернатив результатов квантовых измерений. Это разделение альтернатив должно реализовать указанное им «квантовое расщепление наблюдателя». Мы уже отмечали, что это расщепление может пониматься только как квантовое расщепление материального объекта – мозга наблюдателя. Но мы также пришли к заключению: сознание не есть продукт мозга или вообще какой-либо материальной структуры. Следовательно, *разделение альтернатив нельзя отождествлять с сознанием наблюдателя.*

Однако попробуем разобраться, что имеет в виду М. Менский, говоря о «квантовом сознании». Если уж допустить абсурдное «квантовое расщепление сознания», то можно не удивляться понятию «квантового сознания», которое и вводится Менским. Это «квантовое сознание» должно постигать все возможные классические альтернативы (и тогда отсюда, конечно же, следует, что «квантовый мир существует независимо от какого бы то ни было наблюдателя»). Реальный квантовый мир не зависит от выбора альтернатив, потому что он содержит актуально *все* классические альтернативы. Он полон сам в себе, он есть *всё бытие*. Тогда, очевидно, квантовое сознание не есть сознание индивидуального наблюдателя, не есть сознание единичного субъекта, функция которого – лишь выбор одной единственной из этих раздельных классических альтернатив. Возможно, «квантовое сознание» следует понимать как вне нас существующее гипотетическое «вселенское сознание», которым некоторые авторы (например, А. Бейли [21]) наделяют всю вообще материальную Вселенную. Такому «сознанию» можно приписывать любые познавательные свойства: оно может познавать все бытие – всю «квантовую реальность», то есть все параллельные миры одновременно.

Впрочем, понятие «одновременно» к этой реальности не применимо: этот квантовый мир существует вне времени (прошлое и будущее в нем обратимы вследствие линейности квантовых уравнений), вне причинности (в нем нет классической предсказуемости) и даже вне пространства (обычным, классическим образом понимаемого). Эта реальность существует не во времени, а в вечности. Человек же, субъект сознания, существует во времени – но не в геометрическом времени физических теорий, а в том времени, о котором говорит так называемая «неклассическая метафизика» в лице Анри Бергсона. Это есть метафизика целостного Я, нацеленная на построение ме-

тафизического образа мира, неотделимого от нашего Я (подробное его описание см. в [31]).

Наше индивидуальное бытие возможно только потому, что мы существуем в бергсоновом времени. Это время нашего существования, нашего собственного бытия. От пространства можно абстрагироваться, от времени – нельзя. Время – это мы, это каждый из нас. Главное свойство этого времени – то, что оно никогда не останавливается: время – текуче («текущий образ вечности», по определению Платона). Это значит, текучи и мы: *fiō, ergo pop sum*. Наше индивидуальное сознание, как наша *становящаяся* разумность, потому и недоступно фиксации в определенных понятиях, что оно никогда не существует, но всегда становится, подобно текучему времени, которого никогда нет в настоящем, потому что оно всегда уходит в прошлое.

Сознание и жизнь. Так как «квантовое сознание» постигает *все* альтернативы, то, очевидно, *выбор одной единственной* альтернативы производится только индивидуальным сознанием. Тогда, чтобы квантовая механика существовала как наука, требуется, чтобы разделение и выбор альтернатив производились всегда и всюду единообразным способом. Следовательно, так понимаемое индивидуальное сознание (как выбор альтернативы) есть нечто определенное и потому всегда себе тождественное. Оно не совместимо с текучестью, не совместимо со временем. А значит, оно не может быть сознанием *живого* существа. Неудивительно: ведь что такое «наблюдатель» в физике? Это не человеческое и даже вообще не живое существо, а идеальный элемент, вводимый в теорию для одной цели – для удобной, самой теорией диктуемой интерпретации результатов наблюдений. Наблюдатель в физике – это то, над чем смеялся «подпольный человек» Достоевского: это есть «человек вообще», то есть не живое существо, а идея.

Самый удивительный парадокс (это уже парадокс «расширенной концепции Эверетта» – РКЭ) состоит в том, что эта расширенная интерпретация применяется М. Менским для объяснения именно феномена *жизни*. Так, по крайней мере, утверждается: «Сознание (= разделение альтернатив) есть не что иное, как *определение того, что такое жизнь* в самом общем понимании этого слова» [6, с. 190]. Это означает, что разделение альтернатив – это «способность, которую живые существа выработали в процессе эволюции». Чтобы выжить, живые существа используют эту свою способность для выбора наиболее удобной для себя альтернативы, активно влияя на вероятность выбора альтернатив: они выбирают тот из классических миров, который наиболее адекватно, в силу локальной предсказуемости, соответствует выживанию.

Здесь тоже производится отождествление двух неизвестных: *x* (разделение альтернатив, уже отождествленное с сознанием) и *y* (жизнь). Жизнь «в самом общем понимании этого слова» – понятие совершенно неопределенное ни с точки зрения биологии (как органического явления), ни с точки зрения психологии (достаточно указать на *геитальтпсихологию*, возникшую в ответ на неовиталистические объяснения Р. Вирхова и Г. Дриша).

Пол Дэвис в своей книге «Проект Вселенной» [23] указывает, что даже таким понятиям, как «сложность» и «организованность», характерным для живых существ, «недостает общепринятых математически строгих определений» (определения же, которые имеются, в одинаковой степени применимы и к живой, и к неживой материи и, стало быть, не различают их). Еще труднее дать определения *уникальности, целостности, непредсказуемости, телеологичности* живых организмов. «Биологические организмы приводят ученых в крайнее замешательство» (ib.), и это потому, что все упомянутые свойства живой материи, характеризующие ее *активность*, как демонстрирует П. Дэвис, в такой же мере характеризуют всю материю вообще, так что вводится даже общий термин «активная материя». «Активность» Вселенной проявилась не в ее таинственном рождении в акте Большого Взрыва. «Существование Вселенной не объясняется Большим Взрывом: доисторический Взрыв стал лишь началом всего» [23, с. 5], то есть он лишь открыл возможности для причинно необусловленных, спонтанно возникающих, *самоорганизующихся* структурных форм. Этот новый взгляд отвергает традиционную картину «эволюции», которая предполагает возникновение новых форм *на основе* старых, структурно более примитивных.

Как видим, активность – не только свойство сознания; это есть и свойство неодушевленной материи. Нельзя вообще указать границу между активностью сознания и активностью материи. Но такое определение сознания, которое ничего не ограничивает, лишается смысла.

Сознание, подсознание, сверхсознание. Как же «наблюдатель» осуществляет познание? И всегда ли познание приносит ему пользу в этом утилитарном плане, то есть способствует его выживанию?

По М. Менскому, «наблюдатель» не только разделяет альтернативы, то есть ставит «перегородки» между различными классическими мирами, но и может проникать за эти перегородки. Очевидно, это может происходить вследствие ликвидации разделения альтернатив, то есть при отключении индивидуального сознания. Тогда «при отключении явного, чувственного, сознания возникает сверхсознание, имеющее доступ к квантовой реальности, то есть ко всем альтернативным классическим реальностям» [25, с. 53]. По рассуждению Менского, это позволяет объяснить случаи так называемых необычных явлений индивидуального человеческого сознания (связанных с состояниями транса, снов, медитации и т.п.), что может служить также проверкой самой многомировой интерпретации.

В соответствии с идеей «квантового сознания», «мы должны интерпретировать сознание шире – как что-то способное к охвату всего квантового мира, всех альтернативных классических реальностей» (М. Менский, [5, с. 108]). Что же это за широкое понимание сознания? Нам было сказано, что сознание – это разделение альтернатив, их изоляция друг от друга. При «широком» же понимании сознания мы получаем нечто противоположное – сознание как способность к охвату всех альтернативных классических миров. Может быть, это уже не есть «сознание», а вообще выход за пределы

сознания? Менский признает это: «То, что появляется тогда вместо сознания (в обычном понимании этого слова), можно назвать расширенным сознанием, или *сверхсознанием*» [5, с. 111]. Как же тогда понимать «необычные явления сознания» индивидуального наблюдателя? Ведь сказано было: в квантовую реальность проникает не индивидуальное сознание – оно, наоборот, изолирует отдельные классические реальности друг от друга. В квантовую реальность проникает иное – сверхсознание. Оно не имеет отношения к индивидуальному наблюдателю. Это совсем не то, что Пенроуз имеет в виду, когда говорит о способности сознания воспринимать истину непосредственно, без логики и причин (и называет эту способность главным проявлением *сознания*). Пенроуз имеет в виду сознание отдельного человеческого индивидуума.

«Возможно, что индивидуальное сознание, которое живет в некотором мире Эверетта (в определенной классической реальности) тем или иным образом может получать информацию из квантового мира в целом, то есть “заглянуть” в другие реальности», – пишет Менский [5, с. 112]. «Тем или иным образом», а каким – не уточняется. Между тем по его же логике индивидуальное сознание *никоим образом* не может иметь доступа к информации, содержащейся во всех альтернативных реальностях. И тогда на помощь приходит понятие *бессознательного*, которое окончательно запутывает всю аргументацию.

Читаем далее: «Выключение сознания означает появление доступа ко всем альтернативным реальностям. Информация из этой огромной “базы данных” делает возможным (в бессознательном состоянии) сверхинтуицию, то есть прямое видение истины» [5, с. 111]. Оказывается, сверхинтуиция возникает – через выключение сознания – «в бессознательном состоянии». «Прямое видение истины»¹ ощущается через то, что психологи называют подсознанием. Что это такое?

«Человек имеет, с помощью сознания, доступ к информации из всех параллельных миров» [5, с. 111] – так Менский пытается примирить непримиримое: сознание, ставящее перегородки между параллельными мирами, и сверхсознание, проникающее через эти перегородки. Какую же роль играет в этом подсознание?

Основная мысль Менского состоит в том, что «сознание» (таинственным образом использующее для этого сверхсознание) способствует выживанию живых организмов. Между тем животные лучше человека умеют приспособиться к условиям существования через свое подсознание, которое у них доминирует над сознанием. Это показал наш выдающийся психолог Л.С. Выготский, исследовавший связь между сознанием и подсознанием. Оказалось, что сознание – плохой способ для выживания вследствие того,

¹ «Прямое видение истины» порождает вопрос: а кто является субъектом этой истины? Кто воспринимает истину непосредственно? Ведь «квантовое сознание» не предполагает никакого индивидуального субъекта. Кому принадлежит сверхсознание? Кто является его носителем? Вопрос остается без ответа.

что оно плохо ладит с подсознанием. Подсознание и сознание говорят на разных языках и удивительно скверно понимают друг друга. Сознание оперирует знаками – прежде всего, словами, понятиями, смыслами, отчасти образами, тогда как подсознание – ощущениями, эмоциями, чувствами, которые на язык слов не переводятся. Сознание – плохой помощник подсознанию в задаче выживания: подсознание подсказывает организму, как лучше выживать, сознание же, не понимая языка его сигналов, наполняет живой организм страхами перед неизвестным, «комплексами», необоснованными тревогами.

Нам так и осталось непонятным, каким образом подсознание, столь плохо взаимодействующее с сознанием, может перепрыгнуть через него к сверхсознанию, чтобы открыть выход в «квантовую реальность». Но, допустим, что это *каким-то образом* происходит («тем или иным образом»). Что мы тогда получим?

Нам предлагается поверить, что выход в квантовую реальность позволяет извлечь полезную информацию из других миров, чтобы использовать ее для целей наилучшего выживания. Позвольте, однако, в это не поверить.

Что означало бы для нас познание всей полноты бытия? Оно не способствовало бы нашему выживанию – оно обратило бы нас в прах, уничтожило бы нас как индивидуальности. *Рабское* сознание, стремящееся на таком пути к выживанию, все равно не достигнет своей цели. «Если бы нам лишь однажды показали все бытие, – пишет Х.Л. Борхес [22, с. 545], – мы были бы раздавлены, сломлены, уничтожены. Мы бы погибли. Время – дар вечности. Оно позволяет нам жить в последовательности, потому что мы не вынесли бы безмерной тяжести совокупного бытия Вселенной». «Целостность бытия для нас невыносима, – предостерегает Борхес. – *К счастью, мы ее не знаем*» (курсив наш. – В.З.). Нам следует благодарить судьбу (или Бога) за то, что отдельный индивидуум не наделен всей полнотой такого «вселенского сознания».

О том же самом говорит Анатолий Франс в сборнике философских новелл «Сад Эпикура». «Неведение, – пишет он, – это необходимое условие самого существования. Если б мы знали все, мы не в состоянии были бы мириться с жизнью ни одного часа... Если бы какой-нибудь человек, обладая, подобно Богу, истиной, совершенной истиной, выронил бы ее из рук, мир был бы уничтожен на месте и вселенная тотчас исчезла бы, как тень».

Представьте себе, что вам открылась вся квантовая реальность – пали бы все перегородки между альтернативными мирами. Тогда, например, в одном альтернативном мире вы увидели бы живого шредингеровского кота, а в другом этот же кот представился бы вам, индивидуальному наблюдателю, мертвым. Не сойдет ли с ума этот наблюдатель при открывшихся ему вполне совместимых альтернативах?

К счастью, мы не знаем совокупного бытия Вселенной. Это наше счастье, что существуют индивидуальности и нашему индивидуальному Я недоступно знание всего бытия. Благодаря этой тайне, этому незнанию суще-

ствуем наше Я. Квантовая реальность – это такая реальность, которая уничтожает наше Я; это такая реальность, в которой нашему Я нет места. Кто же живёт в параллельных мирах? Не знаем. Думается, и М. Менский нам не ответит.

Между тем (вспомним Пенроуза) сердцевину нашего Я образует *интуиция*, источник всех великих творческих прозрений, делающих мир нашего Я столь удивительно прекрасным. Сами эти творческие прозрения составляют для нас тайну, они необъяснимы. «Без покрова нет красоты, – пишет там же А. Франс. – Из всех видов очарования сильнее всего над душой человека очарование тайны». Красоту бытия мы несем в себе сами, и мы должны быть благодарны Тому, кто дал нам этот наш *антропный* мир, изолировав нас от убийственной квантовой реальности. Говорят, что жизнь особенно притягательна для нас тем, что в нас живет ощущение собственной смертности (и этим человек отличается от всех остальных живых существ). Смерть же рождается существованием *стрелы* времени. В квантовой реальности нет стрелы времени, нет прошлого и будущего, нет поводов для надежд и ожиданий. Если бы даже и было кому жить в этой «реальности», такая «жизнь» показалась бы адом.

А что говорят религии? Бросим взгляд на учения Востока, которые проповедовали отречение от знания. Практика восточных религий (в частности, медитация) учит не познанию всего бытия, а устранению от знания. «Медитация – это состояние незнания, – пишет один из виднейших религиозных философов Востока Раджнеш (Ошо, см. [32]). – Да, библейская история верна: человек пал из-за знания, съев плод знания... Прозрение – это состояние не-мысли. Джидду Кришнамурти говорил: “быть в молчании – значит отвергнуть”. Отвергнуть что? Отвергнуть знание, отвергнуть ум... создать ничем не занятое пространство. Тогда останется пустота, молчание. Это молчание Будда называет *шуньятой*. Это пустота, ничто. И лишь ничто может работать в мире истины».

Вот чему учит нас восточная медитация! Не проникновению в бытие, а уходу из него в «ничто», называемое *нирваной*. Ибо «ничто» для учителей Востока – это не то же самое, что для нас, европейцев. А для них, по видимому, нирвана есть уход от познаваемой, явной предметной реальности, к реальности высшей – такой, *познание которой невозможно и не нужно*. Такую реальность можно переживать, в ней можно *быть*, обладая всей полнотой индивидуального бытия, для которого человеку не требуется познание.

Нам же ближе традиционное христианское учение о *душе*, подлежащей спасению. Бергсон возрождает представление христианского философа блаженного Августина о времени: природа времени – это природа нашей души, сознание же – это *око души*, не постигаемое рациональным знанием на причинно-следственных путях. Первый атрибут нашей души – это атрибут свободы. Человеческая душа живет в нашем внутреннем, бергсоновом времени (*la durée intérieure*), которое есть время беспричинности, время свободы,

время Эпикура. «Душа» – термин не научный, а религиозный (недаром душу называют лучшим храмом Божиим), и око души – сознание – не может быть описано научными средствами.

Христианство говорит о ложности нашего Я, культивируемого нашим ложно направленным, *падшим* разумом («Всяк человек ложь», Пс. 115). Но христианство оптимистично: оно говорит о возможности обретения человеком подлинного бытийного Я на пути *обождения* – синергийного соединения нашего Dasein с Богом через нетварные божественные энергии. Это и есть святоотеческий путь спасения. Но «Царство Божие усилием берется»: для этого требуется совершить *метанойю* – пройти через катастрофу собственного сознания. Об этом говорят слова Евангелия: «Должно вам родиться свыше» (Ин, 3: 7).

Религиозная концепция происхождения сознания, восходящая к Фр. Шеллингу, была изложена ранее в [24, с. 278–280]. Здесь же я пытался обосновать, почему любая попытка описания сознания средствами физики окончится неудачей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев В.С. Теоретическая философия // Соч.: в 10 т. – Т. 9. – СПб., 1911.
2. Гегдинг Г. Философия религии. – СПб.: Общественная Польза, 1912.
3. Бердяев Н.А. О назначении человека. – Париж: YMCA – PRESS, 1931.
4. Менский М.Б. Феномен сознания с точки зрения квантовой механики // Метафизика. – 2012. – № 1(3). – С. 103–114.
5. Менский М.Б. Сознание и квантовая механика. – Фрязино: ВЕК 2, 2011.
6. Менский М.Б. Человек и квантовый мир. – Фрязино: ВЕК 2, 2005.
7. Пригожин И.П. Конец определенности. – Москва–Ижевск: РХД, 2001.
8. Платон. Государство // Соч.: в 3 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1968.
9. Кант И. Критика чистого разума // Соч.: в 6 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1964.
10. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека (опыт персоналистической философии). – Париж: YMCA-PRESS, 1939.
11. Менский М.Б. Квантовая механика, сознание и мост между двумя культурами // Вопросы философии. – 2004. – № 6. – С. 64–74.
12. Эйнштейн А., Подольский Б., Розен Н. Можно ли считать квантовомеханическое описание физической реальности полным? // Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Соч.: в 4 т. – Т. 3. – М.: Наука, 1967. – С. 604–611.
13. Захаров В.Д. Физика как философия природы. – М.: Изд-во ЛКИ/URSS, 2010.
14. Эйнштейн А. Вводные замечания об основных понятиях // Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Соч.: в 4 т. – Т. 3. – М.: Наука, 1967. – С. 623–626.
15. Эйнштейн А. Природа реальности. Беседа с Рабиндранатом Тагором // Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Соч.: в 4 т. – Т. 3. – М.: Наука, 1967. – С. 130–133.
16. Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. – М.: ЛКИ/URSS, 2008.
17. Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. – Москва–Ижевск: РХД, 2003.
18. Льюис Кл.С. Чудо. – М.: Гнозис-Прогресс, 1991.

19. Менский М.Б. Квантовая механика: новые эксперименты, новые приложения и новые формулировки старых вопросов // Успехи физических наук.– 2000. – Т. 170. – № 6. – С. 631–648.
20. Иванов Д.В. Сознание как объект метафизических исследований // Вопросы философии. – 2009. – № 2. – С. 86–96.
21. Бейли А. Сознание атома. – М.: Навна 3, 2003.
22. Борхес Х.Л. Время // Соч.: в 4 т. – Т. 3. – СПб.: Амфора, 2005. – С. 543–552.
23. Дэвис П. Проект Вселенной. Новые открытия творческой способности природы к самоорганизации. – М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2009.
24. Захаров В.Д. Бог, бытие и человек в свете сознания // Христианство и наука: сборник докладов конференции. – М.: РУДН, 2007. – С. 261–285.
25. Менский М.Б. Наука и религия в XXI веке: взаимная необходимость // Метафизика. Век XXI: сборник трудов. – Вып. 3. – М.: Бином. Лаборатория знаний, 2004. – С. 44–62.
26. Pascal B. Pensées. – Paris, 1962.
27. Хайдеггер М. Что значит мыслить? // Разговор на проселочной дороге: сборник статей. – М.: Высш. шк., 1991.
28. Хайдеггер М. Что это такое – философия? // Вопросы философии. – 1993. – № 8. – С. 113-123.
29. Франк С. Непостижимое. – М.: Правда, 1990.
30. Hartmann N. Philosophie der Natur. – Berlin, 1950.
31. Захаров В.Д. Метафизический образ мира // Метафизика. – 2012 – № 1(3). – С. 15–38.
32. Ошо. Интуиция. Знание за пределами логики. – СПб.: ИГ «Весь», 2006.